

ПАРИЖСКИЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ ПИСЬМА

Н. Емельянов

Версия 2 (1996-1999)

Другие города и страны всегда вызывают любопытство. Это любопытство бывает разным, как и способы, которыми можно его удовлетворить. Можно посмотреть по телевизору. Можно послушать рассказ друга, которому удалось скомбинировать деньги на туристическую поездку. Среди моих молодых знакомых многие побывали уже в Греции или в Венеции, в Лондоне или Париже. Чаще всего слушаешь рассказ туриста. Едет он в автобусе и глядит по сторонам. Все дома, машины, люди. Иногда деревья и поля, но редко, скорее ночью. Неделя в Лондоне, в другой раз - в Италии. Кругом такие же туристы. Свои и иностранцы. Один приехал и рассказывает "А я был ...", другой - "А я видел ...". Послушал я, чувствую, как телевизор посмотрел. Мне этого было бы мало. Мне всегда было интересно, что же там внутри. А если разобрать? Как это работает? А что будет, если я его ...? Нужно все по-другому. Музеи - это, конечно, тоже интересно. И архитектура. Но еще интереснее - люди. Что едят? На что жалуются? Про что анекдоты? А как там все устроено? На что нажимать?

Что толку рассуждать, если заграничная поездка недоступна. Не успел для меня подняться "железный занавес", как опустился "золотой". Работать у "новых русских" я уже не могу - не прохожу по возрасту. Какая там турпоездка, если мое жалование профессора составляет мизерную часть от зарплаты уборщицы в их офисе. С этим жалованием в мечтах о дальних странах продолжаю выводить мои формулы, вычислять и публиковать то, что получилось, в иностранных научных журналах бесплатно, конечно.

И все же однажды мне повезло. Мои французские коллеги решили пригласить меня к себе в институт поработать вместе и внести скромный вклад в наше общее дело. Поехал в Париж на три месяца к французам, которых знал только по их научным публикациям, да еще два раза слушал их доклады на научных конференциях. В Париже никогда не был. Хорошо еще, что французский чуть-чуть знаю. Могу выкрутиться, если у собеседника хватит терпения выслушать мою абракадабру. Настоящей французской речи никогда не слышал. Прочитал по-диагонали несколько детективов. С английским еще хуже. Читаю свою научную литературу, конечно. Но разговаривать мне, что с англичанином, что с птицей - один эффект.

С чего началась поездка? Сначала переписка по электронной почте. Потом очередь в железной клетке возле французского посольства, затем авиабилеты. Наконец - Шереметьево-2. Первые впечатления начались по приземлении в аэропорту Шарль ДеГолль. Самолет еще едет по посадочной полосе, а я уже смотрю на эту Францию. И вижу ... кроликов, бегают по полю аэродрома сами коричневые, а хвосты - белые. Дальше нет никакой таможни. В аэровокзале пустынно. Все куда-то разбежались. Вдруг смотрю - мой чемодан едет. Взял его и выхожу на улицу. Заранее понаслышке знаю, что нужно на бесплатном автобусе доехать до станции электрички. Спрашиваю у негра, одетого в какую-то униформу: "Где автобус?". По-французски спрашиваю, конечно. По жесту понял, куда идти. Вижу автобус, на нем "челнок" написано. Еду и смотрю, когда же заветные три буквы будут "RER". Это в Париже так электричка называется. В переводе означает: областное скоростное сообщение. Еду и обнаруживаю, что уже в третий раз проезжаю одно

и то же место. Пришлось спрашивать у водителя. Оказывается надпись искомая такая маленькая была - я ее и не заметил. В Париже, как я потом понял, все нужные надписи всегда мелкие. Реклама в метро от пола до потолка, а расписание работы магазина - всегда мелкими буквами, сбоку, а иногда и вовсе нет. Зачем им, парижанам, они и так знают.

Как устроился в общежитии - простая история. Парижа еще не видел. Я его под землей проехал. В этот же день заявился в институт. Там у меня все же два знакомых француза были - на симпозиуме познакомился. Показали мне рабочее место, компьютер, Интернет. А это, говорят, тебе магнитная карточка для ксерокса. На ней записано, что можешь до 4000 листов израсходовать. Спрашиваю из любопытства, а что мне будет, если я все четыре тысячи израсходую? Тогда, говорят, тебе в канцелярии новую дадут, еще на четыре тысячи.

Наутро пошел учиться жить в Париже, потому что там все наоборот. В автобус нужно входить только а переднюю дверь, показывая водителю проездной билет. Автобусы в Париже просторные и красивые. Однажды на окраине города, на станции Антони я увидел на автобусной остановке телевизор, где было показано расписание прибытия нескольких рейсов разных маршрутов на ближайшие десять минут. В строке для моего автобуса было написано, что он задерживается на две минуты. Действительно, он опоздал ровно на две минуты.

Потом, конечно, и Лувр и Нотр Дам были, но сначала было метро. Там все не так. Двери вагона сами не открываются. Если тебе нужно выйти или войти, поверни ручку на двери - она и откроется. Если нет ручки, значит есть зеленая кнопка. Сеть линий на схеме такая густая, что на редкой станции нет пересечения. Расстояние между станциями совсем смешное. Стоишь на платформе, а в тоннеле уже следующую станцию видно. Чтобы добраться пункта назначения, при пересадке обязательно нужно знать название конечной станции той линии, на которую переходишь, иначе невозможно выбрать направление движения. Для каждого направления - свой перрон. При пересадке идешь и ловишь глазами заветную надпись - номер линии и название конечной станции. Благо, этих надписей в метро в достатке. Чтобы жить в Париже, еще неплохо уметь звонить по телефону-автомату, у меня же нет карманного телефона, как у многих парижан. У меня только магнитная карточка, которую я купил в табачном киоске.

В первые недели выходные дни посвящал прогулкам по городу. Начал осмотр города с туристических объектов - очень уж хотелось проверить соответствие оригиналов тем образам, о которых зал только понаслышке. В списке были Нотр-Дам, Лувр, Эйфелева башня, Монмартр, королевские дворцы, музеи. Но после этих объектов мое любопытство к Парижу так и оставалось неудовлетворенным.

Позже я понял, что узнавание страны проявляется только в процессе повседневной жизни, когда каждый день ходишь на работу, знакомишься и взаимодействуешь с коллегами, иногда пытаешься развлечься и отдохнуть.

Как в любой командировке, пришлось решать проблему с питанием. В Париже для этого широкий выбор возможностей в зависимости от допустимых затрат. Несмотря на весьма скромную оплату моей миссии, приехать в Париж и экономить на желудке не очень-то хотелось. В

рабочие дни очень вкусно и недорого обедал в институтской столовой. Порядок обслуживания очень похож на наш, только ассортимент блюд побогаче и качество повыше. Обедал всегда с коллегами, которые все вместе спускались в столовую, устраивались за одним большим столом и быстро расправившись с едой подолгу сидели еще, обсуждая события и проблемы. Я удивлялся тому, что обед они ничем не запивают, ни чаем, ни компотом. Может быть поэтому во Франции большая средняя продолжительность жизни.

С организацией моего ужина оказалось посложнее. Посещение ресторана каждый вечер в Париже не проходило по моим финансовым возможностям. Ужинать каждый день в Мак-Дональдсе тоже не дешево, да и ассортимент там быстро надоедает. Поэтому я покупал продукты в магазине и устраивал чаепитие в комнате общежития. Холодильник в комнате имелся, а вот с чайником возникла проблема. Проживающим в этом общежитии чайник не положен. Я это, конечно, предусмотрел и взял с собой из Москвы современный пластмассовый чайник, изготовленный во Франции и купленный на оптовом рынке в Лужниках. Каково было мое разочарование, когда при его включении тут же вырубался автомат электропитания в номере. Он не допускал общей нагрузки более, чем 900 ватт. Пришлось орудовать обычным 300-ваттным кипятильником.

Чай коллеги-французы вообще не пьют! За обедом постоянно запивают все холодной сырой водой, а заканчивают обед десертом в сухоматку. Я такому режиму следовать не в состоянии, поэтому после обеда здесь-же беру в буфете кофе. Потом еще организовал здесь в институте себе приготовление чая со своим чайником.

Выбор продуктов в магазине на ужин сказочный. В качестве мясной закуски выбирал между ветчиной, копченой на углях бука, ветчиной, копченой на углях клена и ветчиной из ляжки худого индюка. Так все это написано на упаковках.

В выходные дни обедать ходил в Мак-Дональдс или в его аналог - Квик. Они отличаются только стилем интерьера. Здесь, казалось, никаких проблем. Подошел я к прилавку и стал рассматривать меню, которое крупно сияло позади шустрых девушек, обслуживающих очередь из 3-5 человек. Не успел я перевести и двух строк французско-английских надписей, как раздалось требовательное "месье!". Прочитал вслух первое, что увидел в меню, и снова услышал требовательное "меню?". Что значил этот вопрос, я понять был не в состоянии, но неожиданно для самого себя очень удачно выпалил: "сэндвич!". На это последовал новый вопрос, состоявший из двух отрывистых звуков, которые я уже не смог идентифицировать. В отчаянии собрал все свои знания французского и стал долго и нудно объяснять, что я хочу поесть, неважно, чего, как и сколько. Девушка рассеянно смотрела мне в рот, как смотрят на эпилептика во время приступа, но затем быстро набросала на поднос разных корбочек. Расплатившись, я с облегчением сел за крошечный столик возле прозрачной стены заведения, стал жевать и рассматривать прохожих.

Спустя несколько недель, приобретая некоторый опыт нормального обхождения с продавцами, сидя однажды в Мак-Дональдсе, я наблюдал грустную сцену визита в это заведение пары немолодых людей, по-видимому, моих соотечественников-туристов. Медленно продвигаясь и осматриваясь по сторонам, они сначала остановились на расстоянии, недостижимом для агрессивного оклика "месье?". Затем после слабых попыток объясниться с полным недоразумением на

лице смотрели, как девушка закладывает всякие вкусные вещи в огромный пакет. Найдя в углу пустой поднос, выложили на него содержимое пакета и в полной прострации начали жевать в сухоматку толстые бутерброды.

Описанное явление объясняется довольно просто. Вопрос, который ставит в тупик многих новеньких и неопытных посетителей-иностранцев в вольном переводе означает: "Вы что, здесь будете перекусывать, или вам хорошенько запаковать все, и вы унесете с собой?" По-французски этот вопрос звучит так: "сюрпляс?".

Когда устраивался в общежитии, столкнулся с бюрократизмом, которого не встречал даже у нас. Мне дали список всего оборудования в комнате. Предложили проверить все и расписаться в том, что все реально соответствует списку. Я этим занимался постепенно несколько дней. Терминология специфическая. Пришлось взять словарь. Однако и после этого не все было понятно. Долго искал в комнате картину, которая значилась в списке. Пошел к завхозу и спрашиваю о картине. Она говорит, что картина на стене. Но там ничего нет. Долго разбирались. Оказалось, что картиной они называют также просто покраску стен. Оказывается она тоже входит в оборудование комнаты.

Постепенно неделя за неделей знакомился с городом, в одиночку пытаюсь удовлетворить свое любопытство. Достопримечательностью Парижа является его район под названием Ля Дефанс. Первое впечатление, когда выходишь из метро наверх, на улицу, будто попал в другую страну. Эта окраина Парижа совершенно непохожа на всю остальную часть города и представляет собой неплохой образец современной архитектуры. Зеркальные плоскости огромных небоскребов, параллелепипеды со скошенными краями, шары и горки хорошо сочетаются с фонтанами, деревцами и мелкими архитектурными излишествами. Здесь отсутствует обычная унылость современных домов-коробок. Скорее наоборот, здесь интересно и празднично. Однако это можно увидеть только тогда, когда не ограничиваешься рамками обычного туристического десанта, когда тебя не ждет внизу на стоянке автобус, а можно не торопясь заглянуть туда, чего сразу-то и не замечаешь. Неожиданно обнаруживаешь прямо перед собой странные скульптуры из проволоки. Дальше торчит из земли большой палец руки, высотой с трехэтажный дом. Непонятного назначения мачты с мигающими фонарями и просто лес из листов стекла. Всем туристам здесь объясняют, что большая арка-небоскреб построена здесь на продолжении линии Лувр - Елисейские поля - Триумфальная арка. Действительно, если присмотреться, то можно увидеть далеко на горизонте старую Триумфальную арку, что на площади Звезды.

Прогуливаясь дальше вдоль гигантской площади Ла Дефанс, я вдруг увидел перед собой памятник, немного напоминающий памятник комсомольцам гражданской войны. Весь зеленый и непонятный. Только свободное распоряжение временем позволило обнаружить также маленькую табличку на барьере перед памятником, на которой написано, что эта статуя художника Луи-Эрнеста Барриа установлена здесь, чтобы напомнить о смелости парижан во время ужасной осады города в 1870 - 1871 годах. Также указано, что установленная на своем первоначальном месте, в сердце нового района, она дала ему свое имя Ля Дефанс, что в переводе означает - защита.

Можно пройти немного в сторону от главной площади. Попадаешь

в маленькие уютные дворики с зелеными натуральными газонами и деревцами. Туда ведут неподвижные лестницы-эскалаторы, которые приходят в движение, стоит только к ним приблизиться. Здесь на самом деле живут люди. Гаражи, конечно, под домами. В районе немногочленно. Только в одном месте роятся люди. Сначала непонятно, что там такое. Вроде бы Мак Дональдс, но все почему-то проходят мимо и заворачивают за угол. Вхожу и попадаю в огромный зал с множеством витрин и торговых точек. Оказывается это еще не главное. Все гуляют дальше в гигантский магазин, для которого даже приставка "супер" оказалась недостаточной. Это - гипермаркет. И название у него есть - Ошан. Правда, это слово ничего по-французски не означает. Сюда приходят те, кто думает, что цены здесь ниже, и русская речь оказалась не редкостью.

Особенности страны проявлялись иногда совсем неожиданно. Однажды пятеро коллег пригласили меня на обед в ресторан по одному незначительному поводу. Обед был довольно скромным и ничего интересного мне не сулил. Однако один эпизод во время этого обеда произвел на меня впечатление. Поддача блюд на стол началась с бутылки сухого красного вина. Мой друг Жаки, который делал заказ, должен был первым попробовать вино прежде, чем его будут наливать остальным. Но в разговоре Жаки немного зазевался, и официант успел налить вино еще в несколько бокалов. В той, довольно демократичной обстановке я успел попробовать ароматный напиток. Вино было отменным. Наконец, Жаки решил исполнить свою обязанность и пригубил рюмку с вином. После небольшой паузы он вдруг произнес: "Бушоне". Все молча стали чего-то ждать. Подошел официант. Жаки ему доложил: "Бушоне". Тот спокойно собрал и унес все рюмки с вином и начатую бутылку. Через минуту на столе стояли новая бутылка и чистые рюмки. Официант ждал пробы заказчика. Жаки попробовал и тихо сказал: "Бо". Трапеза началась. Заключение "бушоне" означает, что вино пахнет пробкой. Обязанность хозяина в этом случае - беспрекословно и бесплатно заменить напиток.

Особый шарм придает французам их привычка к дружественным поцелуям. Что это такое, многие, наверное, знают, если бывали в западных странах. В России это может показаться странным. Закадычные друзья, давние знакомые, подруги при встрече очень трогательно прикасаются друг к другу поочередно то правыми, то левыми щеками до четырех раз, делая губами поцелуй в воздух, а иногда немного в щеку. Этот неполноценный с точки зрения многих русских поцелуй практикуют французы всех возрастов. Коллеги в институте, приходя на работу, выражают таким образом свои дружественные чувства. Я видел, как молодые парни и девушки на тусовках при встрече, несмотря на свой полубандитский вид, нежно прикасались друг к другу щеками, иногда даже разного цвета кожи. Я тоже, не без эмоций встречая на работе своих коллег-француженок, с которыми постепенно подружился за утренним кофе и обедами, делал этот жест дружелюбия и очарования. И все же нужно родиться в стране, чтобы естественно воспринимать и без внутренней иронии осуществлять эту французскую привычку.

Качество различных бытовых услуг во Франции, понятно, очень высокое. Но однажды я был несколько озадачен. Мне понадобилось проявить фотопленку, чтобы на всякий случай посмотреть, что там получилось из моих фотографических упражнений в столице мира. Приемный пункт нашел быстро, просто прогуливаясь по одной из центральных улиц города. Срочный заказ не сдал делать, и мне сказали, что будет готово через двое суток. Пришел в конце назначенного дня. Девушка долго копалась в коробках, куда-то

ходила. Потом извинилась, что заказ еще не готов, что-то отметила на квитанции и попросила прийти завтра утром. На следующий день, получая заказ, я ожидал, что мне, как обычно это бывает, назовут сумму, которую нужно заплатить за услугу. Девушка сказала что-то невнятное. Я пожаловался на мои нефранцузские уши и спросил, что это для меня означает. Тогда она поняла, с кем имеет дело, и очень внятно произнесла одно только слово: "бесплатно". Прокрутив назад, как на магнитофоне, прежние ее слова, я понял, что это компенсация за понесенные неудобства.

Первые знакомства с коллегами и приобретение новых друзей не приводили сразу к узнаванию особенностей французского характера. Скорее я убеждался, что в научной среде разных стран не много различий. Мои московские коллеги убеждали меня раньше, что французы довольно скрытные, мало о себе рассказывают, никогда не приглашают к себе домой и не испытывают большого любопытства к иностранцам даже прибывшим из-за "железного занавеса". Мне же посчастливилось столкнуться с исключениями из этих в общем-то близких к истине оценок. Свою роль в этом сыграло мое, мягко говоря, нескрываемое любопытство. Оно нравилось французам, давало им повод похвастаться по праву своей замечательной страной. Мне повезло подружиться с весьма общительными парижанами, которые в свою очередь проявляли хотя и сдержанное, но настойчивое любопытство к русскому коллеге, который, как я понимал, не совсем соответствовал их представлениям о русских людях.

Иногда вместе с кем-нибудь из моих французских друзей я отправлялся гулять по городу, пытаюсь найти что-нибудь необычное. Мне нравилось, что такое узнавание новых для меня районов не было похоже на туристический осмотр. Одним из необычных районов Парижа является Ля Дефанс. Другое место в городе, где целый район представляет собой архитектурную особенность, это окрестности улицы Берси на юго-востоке Парижа. В первый раз я там побывал с моим другом, французом Оливье. Он мне сразу заявил, что Берси - это самое последнее достижение архитектуры Парижа. Строительство района закончено два-три года назад. Первое, что сразу бросается в глаза - это суперсовременное замысловатое высокое и длинное здание в виде стены, одним своим концом выступающее прямо в Сену. Это - Министерство финансов Франции. То самое, которое когда-то занимало часть Лувра. На крыше нового здания министерства легко разглядеть вертолетную площадку, у подножия имеется пристань для паромов. Деньги - слишком серьезный предмет, и здесь требуются все средства доставки. На случай, если кому-то из служителей денежных мешков воздушный и водный виды транспорта покажутся ненадежными, совсем рядом находится железнодорожный вокзал Гар-де-Льон. Отсюда скоростные поезда со скоростью 300 км в час с полным комфортом доставляют пассажиров в крупнейшие города Франции - Лион, Авиньон, Марсель. Гордость за эту скорость еще не остыла у французов. Они важно произносят аббревиатуру названия своих скоростных линий - Тэ Же Ве.

От здания министерства мы прошли дальше. Догадываюсь, что шли вдоль Сены, хотя она отсюда и не видна. Постепенно постройки переходят в парк с замысловатыми галереями, прудами и арками. В парке стоят огромные деревья - платаны. Оливье мне объяснил, что когда-то здесь были огромный склад и завод по расфасовке вина. В парке еще остались рельсы, по которым возили на тачках бочки с вином. Росли деревья, создававшие необходимую для вина тень. Район был грязный и криминогенный. В какой-то момент все снесли, кроме деревьев, и устроили парк. Из парка видны кругом современные дома,

но они не слишком высокие. Оливье объяснил, что при современной застройке города преследуется концепция не нарушать однородность Парижа. На краю парка расположено очень замысловатое современное здание Американского культурного центра. Оливье сказал, что культуры там нет, потому что там вообще никого нет, слишком дорогое оказалось дело обосноваться в таком здании, и не нашлось охотников. А дом - образец очень интересной новой архитектуры. По другую сторону парка виднеется странная конструкция огромного ангара, стены которого, слегка наклонные, являются газонами с травой. Как трава держится при таком наклоне стены, Оливье объяснить не смог. Сказал только, что это спортивный зал. Прошли через весь парк до конца и обратно.

Из парка пошли на вокзал посмотреть на скоростные поезда. Сначала поднялись на второй этаж в шикарный ресторан, поражающий старинным внутренним убранством. Попадаешь сразу в прошлый век. Дубовые стены, мраморный пол, медная фурнитура, кожаные диваны. Над спинками диванов странные ажурные медные конструкции, назначение которых я не смог угадать. Оказывается туда нужно класть шубу твоей дамы, перед тем, как устроиться на диванах. Шубы у нас не было, дамы тоже. Поэтому мы уселись в роскошных кожаных креслах, ожидая, пока нам принесут кофе. Было время рассмотреть потолок. Орнамент стиля барокко окружает картины с пейзажами знаменитых мест Франции. Из окна ресторана виден перрон, современность которого выдают только обтекаемые носы скоростных поездов. После кофе в качестве экскурсантов прошлись по всему ресторану. Официант предложил нам набор буклетов на любом языке, кроме русского. В буклете рассказывается история Лионского вокзала и этого знаменитого ресторана, который, впрочем, называется "Голубой экспресс".

Играя роль пассажиров, вошли в вагон скоростного поезда, который отправлялся через пять минут. Уют и комфорт. Тишина и мягкое интимное освещение. Бархатные кресла с высокими спинками расположены так, что есть место для ног любой длины. Пассажиры сидят лицом друг у другу. Оливье сказал, что также тихо здесь и когда поезд несется с огромной скоростью, и также - никакого качания или вибраций. Пришлось выйти - билетов до Лиона у нас не было.

Уже молча прошли вдоль перрона и вдруг я увидел странное зрелище: по платформам товарного поезда спокойно едет легковая машина, без задержки переезжая с одного вагона на другой. Оливье посмотрел и сказал, что это "кушетки для машин". Увидев мой раскрытый рот, он пояснил, что если тебе не хочется крутить баранку даже по скоростной автотрассе, можно оставить свою машину на перроне, ее посадят в твой же поезд, а ты с комфортом попивая любимый спиртной напиток можешь ехать в любой крупный город Франции, включая Ниццу. А там уже разъезжать на своей машине. Эта услуга, оказывается, пользуется спросом и стоит относительно недорого - железнодорожный билет для авто стоит не больше, чем для ее владельца. Мои мечты прервал Оливье - нужно ехать. Меня ждут с визитом в его доме.

Это был уже не первый визит в дом моих друзей, Николь и Оливье. К этому времени я побывал в гостях уже в нескольких французских семьях. Меня приглашали всегда к моему удивлению, поскольку понаслышке я знал, что французы никогда не приглашают к себе в дом. Все мои визиты были примерно похожими, поэтому самым интересным был первый.

Николь и Оливье пригласили меня в субботу провести с ними день "в семье". Предупредили, чтобы приехал без всяких подарков и цветов. Они меня встретили в пригороде Парижа на станции RER, ближайшей к их дому, и мы сразу поехали в монастырь за свежими курами. Монахини выращивают кур в экологически чистых условиях для продажи. Позвонили, и к нам вышла очень веселая пожилая монахиня. Долго с нами разговаривала. Когда ее познакомили со мной, рассказала, что главный поп монастыря ездил недавно в Россию к нашим православным на какую-то встречу в рамках кампании за дружбу всех религий. Она подарила мне три открытки с видами монастыря, хотя обычно они все только продают, так как еле сводят концы с концами, как мне рассказала Николь.

Из монастыря сразу поехали на местный рынок закупать продукты. Там Оливье замучил меня вопросами, какая еда мне больше нравится. Например, что я больше люблю - ветчину вблизи кости бедра или вблизи кости лодыжки. Купили для меня попробовать устриц и еще всякой всячины. Торт выбирали очень долго, потому что я никак не мог понять разницы между шоколадом "тонкого вкуса" и шоколадом, ароматизированным маслом какао. Зато я побывал на маленькой пекарне внутри этого кондитерского магазина. Пекарь продемонстрировал мне несколько машин для формовки булочек. Долго и с гордостью объяснял, где он берет муку для своих изделий. Оказывается сорт хлеба, также, как и вина, зависит не только от сорта муки, но и от того, в каком районе Франции произрастает зерно. А сортов муки у них здесь множество, и французы знают их названия.

Потом поехали домой к Николь и Оливье. Двухэтажный их дом стоит на территории площадью 15 соток и занят в основном газонами и деревьями.

Курицу Оливье стал готовить на улице на углях и вертеле, которое вращалось само от заводной пружины. Обедали на улице на большом стеклянном столе. Начали с устриц. Открывали ракушку и ели то, что внутри. Мне показалось, что она сырая. Я так и спрашиваю: "А она что? Сырая?" Они долго смеялись. Их сырыми и едят. Тогда я спрашиваю: "А почему соленые? Их засаливают?". Они смеются еще больше - это соль моря, говорят, очень полезно. Но много я их съесть не смог.

За столом сначала был разговор о еде и национальных привычках. Потом я попросил Оливье рассказать мне подробнее о том, как он стал старшим выпускающим редактором газеты "France soir" (Вечерняя Франция). Он рассказал всю свою историю, начиная от службы в армии. Все же потом разговор снова скатился на любимую тему французов. Поводом оказался мой вопрос: Пино - это сорт винограда, место его произрастания или способ приготовления напитка? Оказалось, что это то, другое и третье, в зависимости от контекста. Я спросил, это их обычная суббота? Николь говорит, что все, как обычно, только они так долго не сидят за едой.

Николь мне долго рассказывала про проблему с молодежью, что все идет не известно куда, так как почти вся молодежь фактически безработная. Формально многие работают как стажеры, но без зарплаты. Потом их увольняют и берут новых. Снова без зарплаты. Благо, что молодежи много, и деваться им некуда. Все живут на иждивении родителей, а которые не могут доить родителей - бедствуют: наркота и самоубийства.

После обеда мы с Оливье вдвоем поехали смотреть местные гипермаркеты. Оказывается гипермаркеты запрещены в Париже, они есть только в пригороде. Цены на этих гипермаркетах такие же, как и в городе, но качество выше, так как здесь они продают все для "своих". Туристов нет, и публика вся какая-то расслабленная. Все гуляют и улыбаются. К гипермаркетам можно подъехать только на машине.

По возвращении слушали музыку. В десять часов вечера сели снова обедать. Я вдруг обнаружил, что ничего в доме не посмотрел в смысле бытовой техники. Друзья стали с увлечением показывать мне обычные приборы. Особенно гордились посудомоечной машиной и удивлялись, что у меня в Москве такой нет. В полночь они отвезли меня в общежитие.

Потом я еще не раз бывал в доме у Николь и Оливье. Однажды это произошло так. В субботу у меня было намерение пойти в институт поработать. Уже совсем собрался, как зазвонил телефон, и Оливье, говорит: "Одевай джинсы, через полчаса я за тобой заеду". Сначала, как обычно, поехали на закупки. Когда приехали к дому, я увидел во дворе газонокосилку. Оливье извинился, что ему придется немного пошуметь, так как трава на газонах давно не косена, а машина эта на бензиновом двигателе - шумит. Тогда я сам завел мотор и "поехал" по лужайке. Оливье сначала с изумлением смотрел на меня, а потом принес мне другую рубашку, так как моя быстро стала насквозь мокрая от пота.

Вечером в этот день я проговорился, что еще не пробовал настоящего французского шампанского. Оливье откупорил одну бутылку, затем в разговоре я и не заметил, как она кончилась, и раздался хлопок от другой. Вкус этих двух шампанских вин оказался различный и заметно отличался от вкуса Советского шампанского. В час ночи меня выгрузили возле моего общежития.

Все же большинство выходных дней я проводил в одиночестве. С первых же дней обнаружил, что в Париже проводятся концерты органной музыки бесплатно в нескольких католических церквях. Посещая довольно часто эти концерты, я не мог избавиться от устойчивого впечатления весьма посредственного, если не сказать хуже, качества звучания органа. В некоторых соборах периодически слышен из-под земли гул метро. По крайней мере в нашем зале имени Чайковского в Москве звук значительно лучше. Обнаружилась еще одна странность, естественная, впрочем, для католических церквей - все слушатели сидят спиной к органу и неловко оглядываются, чтобы аплодировать исполнителю. Продолжительность таких органных концертов обычно бывает около часа. После этого сразу начинается месса.

Мессы проходят одинаково во всех соборах, продолжительностью около часа. В первый раз я отсидел всю мессу целиком. Сценарий ее состоит из проповедей священника и молитв хором, молитв молча и всеобщего пения под орган. В некоторых соборах очень красиво поют монахини, иногда аккомпанируя себе на инструментах, похожих на гусли. Каждый раз в некоторый неожиданный для меня момент все вдруг начинают пожимать друг другу руки. В этом событии я не без удовольствия тоже принимал участие.

Однажды днем по дороге в собор на концерт я оказался возле здания парижской оперы. Оказалось, что за невысокую плату можно

зайти внутрь и осмотреть все, включая зрительный зал. В этот раз мне повезло вдвойне - двери в зал не сразу закрыли, когда там начал репетировать оркестр. Это было здание старейшей и наиболее знаменитой из двух парижских опер - Опера Гарнье. Другое здание расположено на площади Бастилии, так и называется - Опера Бастилии.

Среди моих туристических объектов был также музей Сальвадора Дали. Этот музей почему-то по-французски называется "пространством". Меня удивило еще то, что там продаются за понятную цену подлинные произведения художника.

На холме Монмартра есть любопытная скульптура: человек, выходящий из стены. Изваял эту половинку человека известный французский киноактер Жан Маре.

Очень захотелось мне посетить Парижский университет, посмотреть, как проводятся здесь занятия для студентов. Но оказалось, что это совсем не просто. Во-первых, вход во все учреждения был в это время строго регламентирован, так как все боялись терроризма. Урны в центре города замурованы, а камеры хранения на вокзалах закрыты. Во-вторых, здесь всю весну одни какие-то каникулы следовали за другими, школьные, студенческие, а преподаватели по поводу любых каникул тоже шли в отпуск или просто не приходили на работу. Поэтому мое посещение лекций в университете все время откладывалось. Чтобы увеличить вероятность попадания, позвонил одной моей знакомой в университет. Она случайно оказалась на месте и, конечно, говорит о каникулах. В конце концов я все же посетил лекцию в Парижском университете. Лекция была для студентов первого курса по матанализу в большой аудитории-амфитеатре. Оказывается все происходит здесь также, как и на наших лекциях на физфаке МГУ. Качество лекции не лучше, чем у нас. Такая же черная доска и лектор весь мелом перемазанный.

В один из выходных дней прогулялся по Булонскому лесу. Он в масштабах Парижа довольно большой. На озерах взрослые дяди моего возраста пускают радиоуправляемые кораблики, яхты и даже подводную лодку.

После леса решил посмотреть настоящий православный собор Святого Александра Невского. Он не указан ни в одной из туристических инструкций. Собор - маленькая копия одноименного собора в Петербурге. Народу было много, я угодил на какое-то мероприятие. Все было как-то напряженно и невесело. Сначала даже подумал, что отпевание, но потом разглядел невесту в белом платье с длинным шлейфом, который несли молодые ребята. Другие парни в черных костюмах, выстроившись в две шеренги и поочередно сменяя друг друга, держали венцы над женихом и невестой. Я не вынес этой сцены и удалился.

В многократных свободных прогулках по Парижу я приобрел знания гюга и мог бы проводить нетрадиционный показ города туристам. С какой высокой точки, например, лучше увидеть сразу много достопримечательностей столицы мира? Все туристы обязательно поднимаются на Эйфелеву башню. В темное время суток при взгляде на башню из любого места города можно увидеть спонтанные и довольно яркие вспышки на ее вершине. Не сразу догадался я, что это современные автоматические фотоаппараты-мыльницы тщетно пытаются осветить себе своими вспышками сразу весь Париж. Другая высокая точка, куда стремятся туристические толпы, это

галерея купола базилики (собора) Сакре-Кер, что величественно возвышается на холме Монмартра. И они правы, туристы. С этой точки Париж великолепен. Однако я бы мог посоветовать еще лучшее место, с которого можно увидеть большинство пресловутых достопримечательностей Парижа сразу. Это место не указано в путеводителях по городу. Нужно выйти на станции метро "Пон-неф" и сразу же войти в самый дорогой магазин Парижа - "Самаритен". Нормальный турист подумает, что там ему делать нечего, и крупно ошибется. При входе в магазин со стороны Сены конечно придется пройти возле витрин с совершенно ненужными вещами - украшениями из золота и бриллиантов. Смело проходите дальше и в глубине зала за углом найдете лифтовый холл. Поднимайтесь на последний девятый этаж, потом по обычной лестнице еще на этаж. Не обращая внимания на ресторан, ищите узкий проход на винтовую лестницу, по которой можно подняться, наконец, на крышу этого шикарного здания, похожего на корабль. Здесь захватывает дух не от высоты, а от неожиданного узнавания последовательно одного за другим знаменитых достопримечательностей Парижа. Эйфелеву башню замечаешь сразу. Справа от нее сверкает золотым куполом собор Инвалидов. Еще правее различима полоска Елисейских полей с Триумфальной аркой. Далее крыша Опера Гарнье. Ярко белеет на горизонте базилика Сакре-Кер на холме Монмартра. Совсем близко расположен красивейший собор Сант-Есташ. Продолжая вертеть головой дальше, можно сразу же заметить нелепые и неприлично голубые трубы Центра Жоржа Помпиду. Еще правее и чуть подалее виден купол Пантеона, а вблизи - очертания Дворца правосудия. Если хорошо присмотреться, то можно узнать и Нотр-Дам. Черная башня Монпарнаса не требует напрягать зрение. Но главное великолепие расположено прямо возле наблюдательного пункта. Это красавица Сена с ее кишащими машинами набережными и знаменитыми мостами. Другие известные места Парижа отсюда также можно разглядеть, если с ними уже знаком. Лувр представлен в этом необычном городском ракурсе своей крышей, а площадь Шателе - башней Сан-Жак.

Мне повезло - моя командировка совпала по времени с Парижской ярмаркой. Это ежегодное мероприятие проходит в течение двух недель в апреле-мае. Чего только там нет! Современные вещи, начиная от каминов и тепловзвуконепроницаемых материалов, кончая половыми чудо-тряпками и чудо-швабрами. Оказалось, что после нашей московской телевизионной рекламы меня уже нечем удивить. Но все же очень было любопытно все посмотреть. Там мне бесплатно начистили туфли. Спрашивали, нет ли у меня очков, а то они мне смазали бы их пылеотталкивающей смесью. Можно было полежать на массажных креслах. В одном месте мне предлагали быстро перекрасить волосы в любой другой цвет, убеждая, что это бесплатно. С трудом отказался, ибо делали это там очаровательные негритянки. Спортивные приспособления, швейные машинки, утюги и домашние токарные станки, чудо-краски и чудо-сковородки, автомобили и автоматические приспособления для вдевания нитки в ушко иголки. Невозможно все перечислить. Однако ничего не было такого супер-современного, что могло бы удивить.

Чтобы найти что-нибудь интересующее в Париже, нужно время. Например, долго не мог найти хорошего чая. Во всех магазинах - "трава". Но потрясающий чайный магазин, где более 40 сортов чая, и можно выбрать, даже не пробуя, по описанию то, что нужно, это в центре Парижа в центре "Ле Аль". Это бывшее чрево Парижа, преобразованное в огромный подземный многоэтажный лабиринт магазинов, ресторанов и каких-то других заведений неясного назначения. Однажды через стекло увидел людей, плавающих в

бассейне.

В один из выходных дней друзья прокатили меня в Нормандию. Этот район Франции отличается от парижского пригорода двумя характеристиками. Первое - более холмистой и красивой природой, второе - менее аккуратными дорогами, подворьями и постройками. Мы посетили дом-музей Клода Моне. Там совершенно потрясающий сад импрессионистов. Я купил его фотографии. Однако на картинах Моне цвета более правдоподобные, чем на фотографиях. Потом заехали посмотреть развалины старого замка на очень красивом ландшафте. В конце побывали в Руане - очень симпатичном провинциальном городе с архитектурой, отличающейся от парижской. Там сходили в музей Жанны Д'Арк - именно в Руане она была сожжена.

Во время моего визита в гости к одному моему коллеге в Медоне мне рассказали, что во Франции есть единственное место, где можно остановиться с палаткой дикарем, и показали на карте это место.

Попробую описать одежду французов. Хотя это очень трудно сделать по двум причинам. Во-первых, я обращаю внимание в основном на то, что меня привлекает, во-вторых, особенности и отличия трудно описать словами. Почти все женщины - в брюках, чаще в джинсах. Если юбка, то до колена и узкая. Почти все в удлиненных пиджаках, в основном в черных или темных одноцветных. Николь одевается очень изящно. Также брюки или узкая юбка до колена. Легкая шелковая кофточка и снова пиджаки, но не мужского стиля, а очень женственные. Один приталенный удлиненный округлых форм, другой - из материала, похожего на байку, короткий с большими подплечниками.

Конечно, в первые два месяца прогулки по Парижу дают много впечатлений. Что я вижу на улицах. Спешащие люди с избытком достоинства на лицах. Есть нищие. Много рекламы вокруг. Конечно производит сильное впечатление аккуратность во всем. Особенно в оформлении интерьера магазинов и кафе. По-прежнему не могу привыкнуть к постоянному "bonjour" то есть "здрасьте". Не могу никак научиться это произносить с их интонацией, повышающейся в конце слова. Много машин на улицах. Ездят они медленно, очень густо в впритык друг к другу. В этих условиях правил движения явно недостаточно. Но они как-то понимают друг друга. Двигаются очень слаженно. Машины очень красивые. Этих марок в Москве мало.

На площади вокруг Триумфальной арки я однажды как замороженный смотрел на пересечение двух потоков машин, по десять рядов в каждом. У машин одного из потоков согласно правилам был приоритет проезда. Однако другой ряд продвигался ничуть не медленнее. Движения машин решительные, но любезные.

В многолюдных местах города можно встретить живую статую, перед которой обязательно лежит мешочек для пожертвований "на содержание статуи", как написано рядом на дощечке. Наверное, уважение к культурным ценностям в Париже столь высоко, что даже при этом довольно жалком зрелище слышен звон монет.

В субботу на одной из станций метро я услышал "токатту ре минор" Баха с отличным качеством. Думал сначала, что это хорошая запись. Но когда приблизился, оказалось, что это

парень играет на баяне. Очень хорошо играл, очень точно. Звучало, как на органе. Я даже бросил ему пятак.

Что касается органов, то в некоторых соборах их по два. Однажды был объявлен концерт для двух органов. Два органиста играли почти одновременно, но музыка была написана так, как-будто органы разговаривают между собой.

Более сильное впечатление у меня от другого музыкального визита. В одной церкви был отчетный концерт органного класса "районной консерватории" одного из районов Парижа. Руководитель представил отчитывающихся учеников. Их было восемь. Весь диапазон возрастов, от мальчика до солидного старичка. Руководитель построил всех исполнителей в ряд и каждого представил. С одним из них стояла маленькая девочка лет десяти - дочь одного из исполнителей, как я сначала подумал. А оказалось, что она одна из учениц органного класса и тоже играла. После концерта я захотел поговорить с этой девочкой, ее зовут Люси. Но она куда-то исчезла. Тогда я поговорил с другим исполнителем и спросил, как же Люси может играть на педалях органа. Он мне объяснил, что она пока играет только двухголосые произведения, потому что ноги ее пока не достают до педалей, и играет она только двумя руками, каждой рукой на отдельной клавиатуре.

В один из выходных дней я много гулял по городу. Видел, как кругом веселится молодежь: танцуют, брейкуют, поют, выступают доморощенные циркачи. Полное ощущение праздника во всем городе. Я все время себе задавал вопрос: действительно ли это представители города или только задворки.

Однажды сижу, работаю и получаю на компьютер письмо по электронной почте, присланное из соседней комнаты от одного из моих коллег. Это Жаки приглашает меня таким образом посетить "глубокую Францию". Пишет, что в путешествие мы отправляемся с Жаки и его женой завтра 6 июня вечером в 19 часов. Оказывается это далеко от Парижа, ехать будем 4-5 часов. Приедем, уже будет темно. Цель поездки - Жаки будет проверять качество ремонта его будущей резиденции, где он будет жить, когда уйдет на пенсию. Расположено это место в 550 км на юго-юго-запад от Парижа, много севернее Пиреней, до моря еще километров 200.

Ехали все время на скорости 160 км/час. Жаки, управляя на такой скорости еще и ел. Нам его жена, Мадлена подавала сзади бутерброды, а мы сидели впереди, ели, разговаривали и мчались. Один раз останавливались, чтобы выпить кофе в придорожном кафе.

Машина у Жаки совершенно шикарная, руль с гидроусилителем, всей техникой управляет бортовой компьютер. Однажды я услышал сигнал, думал, что Жаки включил радио. А потом сразу машина человеческим голосом сообщает: "Извините, что вмешиваюсь, говорит, но у вас неплотно закрыт багажник".

Скорость на дороге оказывается не бесплатная - два раза останавливались чтобы оплатить проезд по автомагистрали.

Деревня, куда мы приехали, немного напоминает наши южные деревни, но, конечно, более аккуратные. Телефоны-автоматы, кафе, как в Париже. Площади и улицы чистые, все асфальтировано.

Жаки вместе с женой и ее сестрой Анни, которая живет в Ницце, владеют бывшим фермерским хозяйством с полем в 25 гектаров. Расположено это в трех километрах от деревни. Два фермерских дома, двухэтажные. В половине одного дома они живут, приезжая, в другой половине - квартиранты. Второй дом ремонтируется для будущего времяпрепровождения на пенсии Жаки. Дома довольно неказистые снаружи. Во дворе ничего нет, кроме газонов и одного большого сарая. Как сорняк растет бамбук. Земля светлая, как в Крыму. К дому приклеиваются вьюны и растут вверх. Первый раз вижу, чтобы вьюны ползли кверху сами без всяких веревочек, приклеиваясь к каменной стене. На этой "даче" у Жаки есть все необходимые бытовые приборы, включая посудомойку. Газ привозной, горячая вода из домашнего нагревателя.

За эти три дня два раза ездили осматривать окрестности и достопримечательности. Среди них: церкви, древний шикарный замок в хорошем состоянии. Озера, пруды. В долине небольшой речки обнаружили древнюю домну, в которой когда-то варили железо для сельского хозяйства.

Заглянули в одну церковь, а там поет самодеятельный хор, причем очень профессионально и не только церковные песни. Прослушали немного концерт. Оказывается Жаки и Мадлен большие любители оперы и сами поют. Атмосфера была очень теплая между хором и слушателями. Иногда слушатели тоже хором подпевали.

В одной деревне Жаки заходил к частному стоматологу, чтобы подлечить зуб. Меня они пригласили тоже, чтобы я посмотрел, как во Франции частные дантисты лечат зубы. После моей поликлиники в МГУ это просто фантастика. Кроме обычного зубоврачебного оборудования два компьютера. Один для мгновенного отображения рентгенограмм, другой - для ведения документации. Оказывается во Франции существует специальная отдельная от интернета компьютерная сеть для стоматологов.

На двух фермах заходили к настоящим фермерам. Они по французским понятиям очень бедные, много работают, но техника очень хорошая. Один из них говорил с сильным акцентом, даже я заметил. Мне объяснили, что он родом из района, близкого к Испании - там все так говорят. Телята у одного фермера стоят в намордниках, чтобы не ели траву, а только сосали молоко, чтобы было специальное белое телячье мясо.

Другой фермер уже на пенсии. Мы с ним пили коньяк. Он, как услышал, что я из России, так весь наш разговор ругал Гитлера и Сталина одновременно. В доме на двери надпись: "двери наши узкие, но сердца широкие". По манере разговаривать фермеры похожи на наших русских деревенских людей.

Побродил я и сам один по окрестностям. Зашел на 3 километра от "дачи" Жаки. Всяду поля и фермы. Есть участки с диким кустарником. Поля, где выгуливают скот, огорожены проволокой. Мне сказали, что проволока под напряжением, чтобы скот не перелезал. Я попробовал - действительно получил небольшой электрический удар. На обочине полей растут ярко-красные маки, как у нас васильки.

Почти все свободное от домов пространство в сельской местности занимают поля, в основном, зерновые. Жаки арендуют

свой участок какому-то фермеру для посевов.

В сельской местности встречаются старые колодцы, в которых вода поднимается с помощью маленьких черпаков на цепи, а цепь протянута от воды наверх. Нужно вращать ручку, чтобы цепь действовала.

Все дороги в сельской местности асфальтированные - все. Пыли совершенно нет. Машина осталась чистой за все время. Однако ветровое стекло и перед машины очень быстро покрываются останками насекомых, которые плохо отмываются даже водой с мылом.

Жаки много рассуждает о своем будущем времяпрепровождении на пенсии. Он очень горд за Францию.

Еще один визит к друзьям. В субботу к 12 часам приехал к Николь и Оливье. Угощения, музыка и т.д. Оливье все время демонстрирует мне различные вещи для удовольствия: вина, коньяки, сигары, музыка. Все подробно рассказывает про каждую вещь. Он очень любит обставлять свою жизнь всякими мелкими, но приятным деталями.

В 13 часов приехал наш здешний директор Арло с женой - Даниель. Обильный обед. Очень заумные разговоры о молодежи, морали, воспитании, образовании. Но зато я узнал, что французов это волнует сейчас больше всего. В 17 часов Арло предложил мне посмотреть Версаль. Сначала поехали к нему домой. Посидели полчаса, пока шел дождь. Пытался поговорить с его детьми - школьниками. Они, как и Даниель, почти ничего не говорят. Сначала я думал, что просто они меня воспринимают как инопланетянина, но потом мне удалось найти темы для того, чтобы их разговорить. Оказалось, что я для них - не диковинка. Просто они такие малоразговорчивые.

Поехали смотреть Версальский дворец. Как только вышли из машины, сразу пошел сильный дождь. Пошли смотреть: Арло под зонтом, я под своей тряпочкой, которая когда-то была китайским зонтом, купленным на рынке в Лужниках. Дворец удивляет своими гигантскими размерами и своим неестественным расположением. Возвышенное место, на котором дворец и озеро. Сразу возникает вопрос: как тут "на горе" держится вода. Понятно: все время закачивают. Оранжерея, каналы, фонтаны. Арло все время с гордостью говорил, что это была очень оригинальная идея короля - построить новый город на пустом месте на котором трудно что-то строить, и построить что-нибудь крупное и необычное - просто для удовольствия и для развлечения. И потом, по словам Арло, весь мир стал подражать, но нигде ничего лучшего, мол не получилось. Либо по размерам меньше, либо по красоте уступает. Так под дождем, то-есть под тряпочкой, обошел вокруг Версальского дворца.

Потом вернулись к Арло домой и за стол. Угощения были, как обычно: по-очереди по одному блюду. Даже к мясу ничего не подали. Просто кусок мяса, а когда тарелки убрали, подали салат.

Забыл сказать, что у Николь в гостях меня спросили, пробовал ли я кушать улиток. Когда узнали, что нет, восприняли это как свое упущение, и пока мы смотрели Версаль, Даниель (жена Арло) купила и приготовила улиток. Нормальная еда, есть можно. На вкус ни на что не похоже. Физические свойства,

примерно как немного недоваренная рыба. Но очень много специй на оливковом масле, и на вкус в основном чувствуются одни специи. Едят их так. Выковыривают специальной спицей из ракушки единым куском и кладут на ломтик хлеба. Затем поливают тем маслом, которое там еще в ракушке осталось. И вместе с этим хлебом жуют.

В 10 часов вечера я запросился домой и Арло меня отвез на машине.

Я подозревал, что в эти дни в Париже что-то происходит. Вернувшись в свое общежитие в 11 часов вечера, я тут-же вышел снова в город и пошел пешком в сторону центра. И увидел такое, чего никак не ожидал. На всех улицах, через которые я шел, каждые 100 метров располагался вокально-инструментальный молодежный оркестр. Каждый громко играл бит-музыку. А кругом все с криками танцевали. И так оказалось во всем Париже. Я дошел пешком до центра города. Везде тоже самое. На улицах толпы народа, все гуляют, поют, танцуют и кричат. Что бросалось в глаза, и чему было трудно поверить, что все трезвые!

Пошел на набережную Сены слушать и смотреть концерт. Это было совсем необычное зрелище. Играли на инструменте, который состоит из огромного количества колоколов и колокольчиков. Играл один человек с помощью рычагов и веревочек, нажимая на рычаги и педали руками и ногами. Музыка сопровождалась потрясающим фейерверком, который запускали с острова. Такого фейерверка я еще никогда не видел. Разнообразие и обилие узоров и цветов, какое невозможно себе вообразить, пока этого не увидишь. При этом фейерверк издает интересные звуки, похожие на разговор на китайском языке. Все вместе создает такое сильное впечатление, что полностью отключаешься от реального мира, захваченный этими звуками и зрелищем.

Оказывается это в Париже праздник музыки. Только в 2 часа гуляние стало затихать.

Однажды в субботу был на концерте в Сорбонне. Там раз или два в месяц дают концерты старинной музыки и вокала. Исполнители - студенты музыковедческого факультета Сорбонны и одновременно профессиональные музыканты или певцы. Концерты проходят в обычной аудитории с доской и мелом. Удивительно то, что об этих концертах объявляется на весь Париж в еженедельнике "Официальное бюро спектаклей", но приходят на концерт всегда примерно одно и тоже число слушателей - примерно 80 - 100 человек. В этот раз выступали певица и три музыканта (все - молодые женщины) - арфа и клавесин. Композиторы 16-17 веков, итальянцы и французы. Обстановка, как всегда - домашняя. В этом визите необычно было то, что сидел я в двух метрах от музыкантов. Рассматривая исполнительниц, удивлялся тому, что они были совсем непричесанными, а одна даже с немывыми волосами (может быть это такая парижская мода). Концерты всегда объявляют со свободным входом. На самом деле всегда приходится немного раскошелиться. И в этот раз устроили перерыв и девушка, смущаясь, объявила, что концерт никем не субсидируется, и поставила на стол корзинку, которую передавали по залу, и каждый бросал туда несколько монет. Перед одной песней певица сделала пояснение. Композитор Джакомо Коррисими настолько был под впечатлением сцены смерти Марии Стюарт, что написал песню "Жалкая смерть Марии Стюарт". Ужас заключался в том, как пояснила певица, что отрубленную голову палач поднял за волосы, показал всем

присутствующим, потом бросил на землю. Голова катилась, а губы еще десять минут после этого шевелились. И певичка запела ... .

После этого концерта я успел к началу мессы в Нотр-Дам. Было интересно, но пения было не слишком много. Зато разглядел всех служителей. Много молодых ребят. Всякие национальности. Попытался записывать на магнитофон, но мне все время мешали японцы, которые все очень громко разговаривали.

Вернувшись в понедельник на работу, узнал, что молодой парень, работавший со мной в институте в одной комнате, Ксавье, уехал на военную службу. У него был выбор, как ее провести. Он выбрал вместо одного года нормальной солдатской жизни два года работы на острове в Малайзии на станции наблюдений искусственных спутников. Это почти та же наука, которой он занимался до сих пор. В связи с его отъездом теперь его стол и компьютер в моем распоряжении. Так что я стал работать с тех пор одновременно на двух компьютерах.

Французы меня не оставляют в покое. В субботу 9 мая был в гостях у одной сотрудницы института. В доме было любопытно побывать, но разговоры были слишком серьезные - это семья астрофизика, а они во всех странах очень важные люди. Зато перед визитом эта сотрудница со своей очень веселой сестрой покатали меня по пригороду Парижа. Мы искали сооружения французского архитектора Леду. Нашли одно такое место на карте. Чтобы приблизиться, пришлось пешком забраться на огромную гору с перепадом высоты, как у нас от Москвы-реки до университета. Для пожилых дам это было нелегко. Наверху нас ожидало разочарование - этот самый музыкальный павильон архитектора Леду оказался на территории частного владения, и нас туда не пустили. Компенсацией был прекрасный вид с высокого холма на Париж с необычной стороны.

Во время одного из визитов к Николь и Оливье я познакомился с их автомобильным хозяйством. В семье два автомобиля. Начал я с "Вольво". Сначала Оливье отвез меня в более спокойное от движения место, где я в первый раз сел за руль этой огромной и мощной машины. Потом, убедившись в невысокой степени риска, он направил меня на более насыщенные движением дороги. Во время этой поездки меня приводили в ужас три необычные вещи: габариты этого "блина", узость полос для движения и непривычный стиль приоритета на перекрестках. Два раза я создал затор на перекрестке. Вернулся к дому я уже за рулем. Николь нас расспросила об этом аттракционе и предложила поводить ее "Пежо-205". За рулем этой машины я себя чувствовал увереннее - она меньше по габаритам и не такая сумасшедшая по мощности.

Мне друзья уже показали дворец в Версале. Но мне захотелось еще там побывать. В воскресенье поехал сам в Версаль смотреть фонтаны с музыкой. Пышный парк и огромный дворец заставляют сразу обо всем забыть. Но фонтаны немного разочаровали. Я ожидал увидеть модуляцию струй музыкой, как это сделано в Дефансе. Здесь просто много небольших красивых фонтанов. Музыка подобрана очень хорошо, но качество воспроизведения не идеальное. Птицы в парке, наверное, тоже это заметили и пытаются изо всех компенсировать этот недостаток своим пением. Я записал на магнитофон - слышно, как птичьи голоса иногда перекрывают музыку. Как обычно, старался разглядеть все в деталях. Удивительного достаточно - для этого все здесь и строилось. Одна только деталь. Рассматривал я огромный странный сад с южными растениями, посаженными в бочках с землей. Вдруг сзади налетает стая русских туристов с длинным экскурсоводом

во главе. Горластый такой, даже птицы притихли. Но еще больше притих я сам, когда услышал: "... видите, этот сад совсем не такой, как мы с вами видели вчера в Лондоне, а завтра в Брюсселе ...". Я подумал, а что это я здесь делаю? Вышел в город, выпил чашку кофе - полегло.

На майские праздники у меня была потрясающая поездка - четыре дня по Франции. Меня возил на своей машине мой здешний директор, Жан-Юд. С нами была еще его дочь Мари-Элен, ей двадцать лет. Впечатления очень богатые. Мы были в нескольких разных районах Франции, я разговаривал с интересными людьми разных профессий, в том числе с фермером и даже с одним профессиональным самогонщиком, который имеет лицензию. Это его работа. Желающие во всей округе везут к нему перегонять свое вино на коньяк.

Уже в глубинке Франции мы съехали с автострады и поехали по деревенским дорогам, которые получше наших подмосковных шоссе. Но оказалось, что в выходные дни эти дороги не предназначены для таких путешествий. Сначала в одном городке, в котором мы остановились, чтобы пообедать, нигде не могли припарковаться. Дело в том, что здесь была крупная областная ярмарка "брокантов", по нашему - старьевщиков. Позже, проезжая между двумя небольшими деревнями дорогу нам преградил указатель "объезд" с очень странным изображением велосипеда. Блуждая по дорогам, а они все асфальтированные, мы стали замечать, что по обочинам идут люди в том же направлении. Чем дальше, тем больше. Дальше люди просто стояли сплошными рядами с обеих сторон. Наконец, мы подъехали под деревянные ворота, на которых было крупно написано: "Финиш". Люди явно выражали неудовольствие нашим пассажиром, а сзади нас догонял весь потный велосипедист - победитель.

Еле выбрались на чуть более значительную дорогу. Вдруг я увидел справа предупреждающую надпись: "наводнение". Действительно, через двести метров дорога уходила под воду - накануне во Франции выпало очень много осадков. Машина, на которой мы ехали, Ситроен-ХМ, имела гидравлическую подвеску. Жан-Юд повернул ручку на приборной доске и автомобиль, приподнявшись над колесами, как на цыпочках, преодолел неожиданное препятствие. Через некоторое время мы все же добрались до нашей первой цели - дома кузена моего начальника.

Кузен Жан-Юда - фермер, все делает один, обрабатывает 46 гектар земли. У него три трактора и один комбайн. Возле дома много всякой домашней живности для пропитания и легковая машина. Дом снаружи неказистый. Когда заходишь, сразу оказываешься в большой комнате, которая одновременно служит гостиной, столовой и кухней. Две плиты - одна для дров, другая газовая. Камин есть, но не используется. Нас сразу посадили за стол. Обед был обычный и традиционный для любой французской семьи. Особенность этой традиции в том, что все блюда подают отдельно. Сначала холодная мясная закуска только с хлебом. Потом горячее мясо без салата и без гарнира. Дальше салат с уксусом. Отдельно сыр с хлебом. В конце - пирожное в сухоматку. На этом трапеза заканчивается. Вино наливают все время. Только салат едят без вина.

Разговоры были в основном на две темы: различия в стилях жизни наших народов и об экономическом состоянии французских

фермеров. Главная их забота сейчас - это правильное реагирование на изменение цен на рынке зерна. Еще они боятся, что Россия, наконец, начнет правильно осваивать свои земли, выйдет на мировой рынок, цены на зерно в Европе упадут, и французское фермерское хозяйство рухнет.

Жан-Юд, рассуждая о современном мировом порядке, заключил, что после краха коммунистического режима в России стало некому противостоять американскому давлению в экономике и политике. Остаются только Япония и Франция, так как остальные страны западной Европы, по его мнению, проамериканские. Что касается культуры, то весь западный мир, включая Японию, сдался англоязычному засилью американцев и англичан. Только Франция отстаивает влияние французского языка и своей самобытной культуры на мировой порядок. В других странах западной Европы деловым и научным языком стал английский. Во Франции во всех научных институтах и практикуется только французский язык. Единственное в мире учреждение, изготавливающее и публикующее астрономические эфемериды на французском языке - это парижский институт Бюро долгот, в котором мы с Жан-Юдом работаем, он директором, а я прикомандированным научным сотрудником. Поэтому нас никогда не закроют и будут платить.

Я пытался задавать вопросы о проблемах безработицы и иммигрантов во Франции. Жан-Юд и другие собеседники объясняли, что эти проблемы в стране в принципе решены. Безработные имеют достаточные средства для проживания и нормального питания. Что касается иммигрантов, то приток их сейчас мизерный. Чернокожее население Франции экономически живет благополучно. Проблемы, которые иногда искусственно выдвигают по национальному вопросу носят только идеологический характер.

В домах фермеров я узнал некоторые весьма любопытные явления современного быта французов. На стене в одном доме висели непонятные для меня медные предметы в виде закрытой кастрюли на длинной деревянной ручке. Оказывается это для обогрева постели перед сном. Басинуар называется. Внутрь кладут горячую золу из камина, и подкладывают на некоторое время между матрасом и простынью.

Ночуя в фермерском доме, я услышал, что настенные часы отбивают количество часов, но два раза с минутным интервалом. Это для удобства. Когда они бьют первый раз, спросонья не сразу начинаешь считать удары. Зато второй раз уже не ошибешься. Говорят, что это удобство практикуется не только во Франции.

В глубинке Франции были в гостях у пары немолодых людей, которые вдвоем живут в собственном замке на берегу реки. Вокруг только поля. Они были парижанами, муж всю жизнь работал художником по изготовлению рекламы, а женщина была декоратрисой. Лет пятнадцать назад купили по дешевке заброшенный замок, который снаружи был ничего, а внутри им пришлось потрудиться. Замок традиционной конструкции с четырьмя круглыми башнями по углам. Сколько этажей - определить трудно. Много огромных комнат, которые все устроены как спальни. На стенах картины, а кругом старинные предметы и маленькие коллекции. Мне сказали, что сейчас в замке кроме хозяев никого нет, разве что привидения. Я облазил весь замок от подвала до чердака. Привидений не встретил, но случайно зашел в комнату, где одевали настоящую живую принцессу. Ей было около

восемнадцать лет, и прислуге столько же. Они совершенно меня не смущаясь продолжали что-то подшивать на платье. Я обошел девушек, осматривая их, как музейный экспонат. Когда вернулся в зал, хозяева с моими друзьями уже ели в сухомятку торт. Спросил хозяйку, уверена ли она, что в замке никого нет. Она говорит: "А-а, значит принцессу уже привезли!". Все вместе пошли смотреть, но не в замке, а вышли во двор, где был большой, но невысокий амбар. В этом амбаре обитатели замка устроили сцену, небольшой зрительный зал, кухню, душ и туалеты. Молодежь из семей местных дворян устраивают здесь балы. В этот раз бал был посвящен введению в аристократический круг новой персоны - юной принцессы, достигшей достаточного возраста.

В летнее время эта пара приглашает к себе много друзей, которые устраиваются на несколько дней, а некоторые - на все лето. Мест, где спать, в замке предостаточно.

После мы еще останавливались возле других замков и соборов. Возле одного из них я увидел странный каменный сарай цилиндрической формы, а внутри отверстия, как бойницы, но вовнутрь. Что такое, спрашиваю. Французы мне как для дитя объясняют, что это голубятня. Ну, говорю, что французские помещики голубей гоняли, как мальчишки? Мне отвечают - и сейчас гоняют, потому что едят. Раньше ведь не было холодильников. А голубь всегда свежий. Так привыкли, что и горожане сейчас покупают в магазинах, где дичь продают.

Это все было районе Франции, расположенном в 500 км на юго-запад от Парижа. Здесь у Жан-Юда ферма, оставшаяся ему в наследство от отца. Поля, площадью около 20 гектар, и небольшой виноградник. Жан-Юд сам делает из винограда коньяк. Французы делают три вида напитков: вино, Пино и коньяк. Пино - это смесь вина с коньяком и подается всегда, как аперитив. Фермерский дом используется как дача. Поля и хозяйство астроном арендует местному крестьянину, но ни тот, ни другой от этого не имеют большого дохода. Мой друг объяснил, что мы находимся сейчас в бедном районе Франции. Есть и богатые области. Все определяет качество земли. Действительно, проезжая в других концах страны, я заметил разницу в качестве жизни обитателей французских деревень. Общая тенденция - север богаче юга, за исключением богатых горных районов и значных мест таких, как Ницца. Но Нормандия и Бретань - это уже бедный север страны. Все это Жан-Юд рассказывал мне за бутылкой вина, когда мы сидели вечером возле камина, который здорово дымил, потому что редко используется. Мы пили уже вторую бутылку, и я ему заметил, что мы, русские, обычно произносим тосты. В этот момент мой директор рассказывал что-то об истории Франции. Тогда он поднял бокал и произнес: "За то, чтобы немцы не прошли!". Мой рассказ о том, как я помню нашествие Наполеона в Смоленск, я завершил тостом "За то, чтобы французы не прошли!". К ночи, уже не знаю на каком языке я рассказал анекдот о наших "новых русских". Жан-Юд произнес тост "За то, чтобы русские не прошли!", и мы пошли спать.

На утро я предложил своим попутчикам помощь в приготовлении еды. Жан-Юд меня спрашивает, умею ли я. Я сказал, что помыть салат, например, могу. Он спрашивает, как я это собираюсь делать. Я рассказал, что под краном пополооскаю букет, а потом буду резать. Тогда он сам стал это делать и объяснять, что помыть нужно каждый листок отдельно, потом высушить в ручной

центрифуге. Показал мне весь этот процесс. Я сказал, что до ручной центрифуги для сушки салата мы еще не доросли, а сам подумал, зачем нам этот хлам еще. В конце дела Жан-Юд отметил, что приготовление пищи для француза - это ритуал, и вмешиваться в него они никому не позволяют.

На следующий день мы снова были в дороге. Несколько раз попадались горожане на шикарных машинах, а сверху, на крыше закреплены в вертикальном положении несколько велосипедов. Я такое у же видел в Париже по направлению к Булонскому лесу. Это французы едут кататься на велосипедах на природу, а не где попало. Здесь я увидел один раз, потом еще несколько раз странные прицепа за легковыми машинами. Совсем узкий, но высокий домик на колесах с маленьким окошечком спереди. На походную дачу совсем непохоже. Я в качестве юмора заметил моим попутчикам, что французы так избалованы, что даже туалет с собой возят. Но они мне без всякого юмора объяснили, что это люди везут с собой свою лошадь, а поскольку такие прицепа встречаются несколько раз и все в одном направлении, это означает, что где-то поблизости на выходные дни будет проводиться соревнование любителей верховой езды.

На третий день мы поехали на атлантическое побережье Франции. Я уже стал замечать крыши города Ля Рошель, когда Жан-Юд за рулем произнес, что нужно заранее включить отопление, и круто повернул вправо. Мы въехали на заросшую травой огороженную территорию и остановились возле обычного дачного дома. Это наследство жены Жан-Юда. Дачный дом оказался еще лучше благоустроен, чем фермерская лачуга с камином, газовой плитой, водопроводом и шестью комнатами. Здесь же застекленная веранда, деревянные полы и другие удобства. Но главное преимущество - центральное отопление. Когда вечером мы снова приехали сюда, чтобы переночевать, в доме было уже жарко.

Порт Ля Рошель расположен так, что его трудно рассмотреть. Но хорошо известные башни форта видны сразу, как только выходишь к океану. Они отгораживают старый порт, который сейчас используется только для прогулочных яхт. Вглядываясь в море, я не понимал, где же там океан, поскольку вдали везде виднелась суша. Мой француз объяснил, что Ля Рошель окружен островами, но если хорошенько всмотреться в горизонт, то можно заметить его кусок, свободный от суши - это и есть выход в Атлантический океан.

Город Ля Рошель небольшой. В центре дома двухэтажные и трехэтажные, а окраина вся одноэтажная. Особенностью места является то, что стены домов совсем белые. Жан-Юд объяснил, что ветер и соль моря здесь не дают обжиться грибкам, которые и придают серый цвет домам почти во всей Франции. В летнее время сюда, в окрестности Ля Рошель на побережье прибывает лавина отдыхающих со всей Франции. Здесь проходит одна из первых железных дорог страны. Поэтому район очень обжитый. Даже есть промышленность - делают скоростные поезда ТЭЖЭВэ.

Для меня более любопытно было увидеть здесь, как выращивают устриц. Они и в естественных условиях растут в море сами по себе, но не достигают интересных размеров. К тому же естественно выросших устриц очень трудно отделить от камней - так крепко они прирастают. Поэтому делают так. Сначала длинные палки втыкают в морское дно, чтобы на них зародились маленькие ракушки - будущие устрицы. Затем их стряхивают в наглухо

защитные сетки размером в наши подушки. Сетки эти укладывают на жерди, закрепленные на некотором расстоянии от дна моря в месте, где прилив сменяет отлив каждые шесть часов. Во время прилива устрицы растут в морской воде, а во время отлива проходят рабочие, встряхивают и переворачивают сетки с ракушками, чтобы они не приросли друг к другу и к сетке. Все это по-французски называется устричный парк.

Наутро мы отправились в сторону Парижа. По пути заезжали в несколько знаменитых замков Луары. Это уже музеи. Их там очень много. Мы посетили четыре из них. Они очень разные и удивительные. Один замок стоит прямо на самой реке. Воды реки втекают под арки, на которых стоит замок, а с другой стороны с шумом вытекают. Нам повезло тем, что перед этим во Франции шли дожди и реки вышли из берегов. Зрелище, которое предстало перед нами, - мощное бурное течение, омывающее замок, не увидишь на фотографиях в альбоме, который я купил в киоске возле замка.

В районе реки Луары и ее притоков довольно много лесов, как их называет мой француз. По нашему это лиственные перелески, довольно густые и невысокие. Я поделился своим мнением с собеседником. Он все равно настаивал на том, что это леса, тем более, что в этих местах все короли Франции всегда устраивали королевскую охоту. Несколько раз, мы пробирались через королевские леса, чтобы пройти к замку напрямик от места стоянки машины. Тишина и замкнутость пространства позволяла немного помечтать. А вдруг сейчас навстречу на лошадях выедет король со свитой... Нет же! Попадают только такие же, как и мы - бродячие зеваки.

Возле замка-музея и внутри толпятся туристы. В основном японцы. Жан-Юд вдруг говорит, что вон там подальше - русские туристы. Я подошел - действительно наши. Мне уже даже странно было услышать так много русского языка - экскурсовод говорил без акцента. Вдруг меня озадачило, как же мой друг на таком большом расстоянии расслышал и распознал русскую речь. А я, говорит, их по одежде за сто метров узнаю. У них качество одежды такое, как мы, французы, одевались лет двадцать назад.

Возвращаясь в Париж и разглядывая через окно машины ландшафт, я любовался пронзительной желтизной полей люцерны. Мне показалось, что ее уж слишком много выращивают во Франции. Жан-Юд на мой вопрос ответил, что это заказ европейского сообщества. Оно приплачивает фермерам, выращивающим люцерну. Так ослабляется давление французов на рынке зерна. Во Франции хлеб производится с большим избытком, и они снижают на него цены. Конкурентам это не нравится.